

*Митрополит Калужский и Боровский Климент
(Г. М. Капалин),*

*Председатель Издательского Совета
Русской Православной Церкви,
Ректор Калужской духовной семинарии,
кандидат богословия,
доктор исторических наук*

Тел. 8(484)256 2700

E-mail: mit.kliment@yandex.ru

**Противодействие святителя Феофана Затворника старообрядческому
расколу во время служения на Владимирской кафедре**

**Counteraction of St. Theophan the Recluse to the Old Believer Schism
during his Ministry at the Vladimir Pulpit**

Аннотация: В 1863 году епископ Феофан (Говоров) прибыл на древнюю Владимирскую кафедру. Территория новой епархии была обширная, она имела большое количество приходов, монастырей и членов церковного причта. Однако больше проблем ему составляло распространённое во Владимирской губернии старообрядчество. В данной статье на основе епархиальной официальной переписки и писем святителя Феофана рассмотрены: особенности раскола на территории епархии; степень его распространения; предпринятые святителем Феофаном меры по его преодолению; участие в противодействии расколу светской власти; привлечение священнослужителей и мирян к противосектантской работе.

Annotation: In 1863, Bishop Theophan (Govorov) arrived at the ancient Vladimir cathedra. The territory of the new diocese was extensive, it had a large number of parishes, monasteries and members of the church clergy. However, the Old Believers, who were widespread in the Vladimir province, were more of a problem for him. In this article, on the basis of the diocesan official

correspondence and letters of Saint Theophan, we consider: the features of the schism in the territory of the diocese; the extent of its spread; the measures taken by Saint Theophan to overcome it; participation in countering the schism of the secular authorities; involvement of clergy and laity in anti-sectarian work.

Ключевые слова:

Святитель Феофан, Владимирская епархия, раскол, старообрядцы, братство, противосектанская проповедь, миссионерская работа

Key words:

Saint Theophan, Vladimir diocese, schism, Old Believers, brotherhood, anti-sectarian sermon, missionary work

Летом 1863 года епископ Феофан (Говоров) прибыл в город Владимир и три года управлял Владимирской епархией. Одной из основных проблем, которой ему пришлось заниматься все это время, был старообрядческий раскол. Старообрядчество в пределах епархии имело давнюю историю и широкое распространение. В этом отношении довольно показателен тот факт, что его предшественник по Владимирской кафедре епископ Иустин¹ во время объезда епархии в 1854 г. заметил иконы с запрещенным в то время двуперстием во многих храмах и домах клириков. Также о том, что раскол в епархии был обыденным явлением, свидетельствует отказ Владимирской консистории в рассмотрении прошения об отчислении из Православия только лишь на том основании, что прошение было подано на простой, а не гербовой бумаге [39, л. 1-1об.; 18, л. 2]. Это возмутило святителя Феофана, и на формальное постановление консистории последовала его резолюция от 11 марта 1864 г.: «Разве заявление раскольства на простой бумаге менее достоверно, чем на гербовой?.. Дела о расколе идут у нас плохо. Никому будто дела нет» [58, с. 3].

Опасность распространения раскольнических убеждений признавалась даже светской властью. В 1865 г. в письме временно исполняющего должность губернатора П.А. Шатохина отмечалось, что «движение раскола во Владимирской губернии поколебало религиозные убеждения православных, как это видно из весьма часто повторяющихся случаев

¹ Иустин (Михайлов; 1798—1879) — епископ, окончил Орловскую семинарию и Киевскую духовную академию; в 1850—1863 гг. был епископом Владимирским; в 1863 г. ушел на покой, пребывал в начале в Борковской пустыни, затем в Боголюбском монастыре Владимирской епархии.

уклонения их в раскол» [26, л. 1—1об.]. Да и сам святитель в июне 1864 г. в письме епископу Савве (Тихомирову) сокрушался, что в раскол «целыми деревнями начинают отпадать» [35, л. 3; 67, с. 510].

Как известно, с целью преодоления этой проблемы на Владимирской земле епископ Феофан лично подъял немало трудов. «Он неоднократно говорил об этом с церковной кафедры в самом Владимире, предпринимал путешествия в раскольничьи центры епархии, где также произносил поучения, в которых в самой простой и доступной форме раскрывал несостоятельность раскола как с исторической точки зрения, так и по существу»[1]. Вместе с тем, как это следует из официальных документов, в течение всего своего служения на Владимирской кафедре святитель Феофан максимально использовал административные ресурсы для защиты православия от чуждых ему вероучений и религиозных представлений. При этом его пастырская забота была направлена преимущественно на прихожан православных храмов, в том числе и на колеблющихся в вере, а административные меры были обращены на все население губернии.

По отношению к расколу владимирская паства была неоднородной. Помимо прихожан, которые регулярно посещали богослужения и участвовали в таинствах, в числе чад Церкви состояли, иногда только формально, те христиане, которые открыто или тайно симпатизировали старообрядчеству. Также на территории Владимирской губернии действовали единоверческие приходы, в которых по старопечатным книгам служили священники, рукоположенные священноначалием Русской Православной Церкви².

На заседаниях Владимирской духовной консистории рассматривалось немало прошений об отчислении в раскол [41, л. 1—1об.; 37, л. 1—1об.; 39, л. 1—1об.; 18, л. 2; 58, л. 3] или в единоверие [38, л. 1—1об.; 40, л. 1; 43, л. 1—2; 42, л. 8—8об.], а также рапортов священников об уклонении их прихожан в раскол [17, л. 99об.—100; 8, л. 1об.; 47, л. 1]. В качестве основного признака отпадения упоминался отказ от церковных таинств: Исповеди, Причащения, Крещения новорожденных и Венчания вступивших в супружество. Так, 5 марта 1864 г. епископ Феофан направил на рассмотрение консистории донесение священника погоста Георгиевского Судогодского уезда Михаила Побединского: «...Крестьяне нашего Погоста-деревни Пушкиной ...объявили мне, что у них родились в 1863 году дети..., а крещены кем неизвестно, каковые крестьяне по духовным росписям значатся не бывшими у Исповеди и Св. причастия за холодностью к вере; деревни

² Единоверческими при епископе Феофане были Троицкая церковь в слободе Мстере Вязниковского уезда и Никольская церковь в с. Дубасовский завод Судогодского уезда.

Угрюмихи — Мефодий Алексеев и Давид Феофилактов и деревни Шипелей Иван <Лопилов> объявили себя женатыми; а где и кем венчаны — неизвестно, а по духовным росписям значатся не бывшими у Исповеди и Св. причастия за холодностью к вере». По сему делу состоялось заседание консистории на котором было заключено: «Сообщить Судогодскому Полицейскому Управлению, чтобы доставило в Консисторию сведения не значатся ли <показанными> в донесении священника Побединского крестьяне в числе записанных раскольников» [6, л. 1—1об.].

В соответствии с законодательством Российской империи того времени приходские священники и назначенные им в помощь «увещеватели» предварительно в течение года, а иногда и более, проводили беседы с уклонившимися. Для того, чтобы работа с уклонившимися в раскол была эффективней, святитель Феофан возлагал ответственность за ее проведение на благочинных. В своем Отношении во Владимирскую духовную консисторию он пишет: «Ближайший увещатель есть местный священник, но для успешного увещания должность главных увещателей возлагается на Благочинных, которые сверх того в своем ведомстве в помощь себе обязуются избрать одного или двоих способных и благонадежных священников, желающих усердно посвятить себя сему богоугодному делу» [28, л. 11об.; 53, л. 10—11]. Известны случаи, когда проводить беседы с раскольниками под руководством священника епископ Феофан поручал грамотным и сведущим в Священном Писании мирянам, перешедшим из раскола в православие [51, л. 1—2об.].

Каждый увещатель должен был направлять в консисторию рапорт о проделанной работе [7, Л. 15—15об.]. К рапорту о результатах увещаний прилагался журнал проведенных бесед, который святитель Феофан изучал лично. На одном из таких журналов 30 ноября 1864 г. епископ Феофан поставил резолюцию, которая свидетельствовала о внимательном прочтении документа: «Заметки о беседах препроводить в Семинарское Правление, для передачи читающим о расколе, — чтоб имели ввиду речи раскольников» [52, с. 24]. Только в случае полной безуспешности увещаний консистория принимала решение об отчислении из числа православных и упоминании раскольниками по церковным и гражданским документам. После утверждения этого решения епархиальным архиереем они числились «записными раскольниками» [45, л. 1-2, 3; 16, л. 18—21об.].

Священники, служившие в единоверческих храмах, вели метрические книги своего прихода. Сведения о рождении, крещении, браке и отпевании записных раскольников Церковью не производились («браки несовершеннолетние в Православной Церкви и рожденные от них дети не крещенные

православным священником так и умершие по православному чиноположению непогребенные не вносятся в метрические книги» [45, л. 3], они состояли на учете в полиции. Так, в одном из постановлений консистории указывалось: «Сообщить Судогодскому Полицейскому Управлению, чтобы доставило в Консисторию сведения не значатся ли <показанными> в донесении священника Побединского крестьяне в числе записанных раскольников» [6, л. 1об.].

На одном из таких консисторских решений святитель Феофан 1 мая 1864 г. поставил резолюцию: «Раскольнические дела вести особым журналом. Где священник найдет раскольников для увещаний. Определить и доложить» [56, л. 31об.]. Тем самым рассмотрение вопросов по расколу было выделено в отдельное делопроизводство, что акцентировало на них внимание духовенства и консисторских служащих.

Спустя год 24 июня 1865 г. святитель Феофан утвердил подготовленные консисторией «правила касательно наблюдения за раскольниками, увещаний совратившихся в раскол и обращения с раскольниками» [28, л. 10—19об.; 64, л. 21—22об.; 63, л. 33—34об.]. В нем были изложены все положения и порядок противодействия распространению раскола с указанием статей действовавшего на тот момент законодательства по данному вопросу. Святитель сформулировал цель составления «правил...» следующим образом: «В виду усилившегося распространения раскола прежде представления Святейшему Синоду об особых каких-либо мерах против него, нахожу нужным ввести в действие меры, указанные уже законами, или особыми предписаниями Святейшего Синода. Вследствие сего проектированные прежде Консисторией правила утверждаются в следующем виде: ...» [28, л. 10]. Последняя фраза, очевидно, указывает на то, что епископ Феофан лично вносил правки или делал замечания в ходе подготовки окончательной редакции «правил...». Более того, «правила...» были дополнены указаниями и предложениями самого епископа Феофана по данному вопросу.

Из «правил...» следует, что законом духовенству предписывалось тщательное наблюдение за поведением «записных раскольников», чтобы они не привлекали в свою религию православных и единоверцев. Если человек вырос в семье потомственных старообрядцев, он имел право исповедовать свою веру так, как он был обучен с детства. Однако привлечение в раскол из православия или единоверия преследовалось по закону, причем исключительно государством, без участия духовенства. Священникам было воспрещено прямое обращение к любым органам власти с нареканиями в адрес раскольников. О фактах совращения в раскол и публичного

привлечения раскольниками внимания к совершению своих обрядов все клирики были обязаны сообщать благочинному. Он изучал ситуацию и при наличии веских доказательств рапортовал епархиальному начальству. К властям обращался исключительно епархиальный архиерей.

Наряду с этим священники должны были в миссионерских целях проводить собеседования с уклонившимися и с уже отчисленными в раскол. В указаниях Святейшего Синода особое внимание было обращено на поведение самих священнослужителей как во время совершения богослужения и треб, так и в быту. Признавая, что «успех Православия в борьбе с расколом и успех раскола в ущерб Православию исключительно почти зависит от добрых или недобрых качеств духовенства». Наблюдение за духовенством было обязанностью благочинных. Они должны были «строго замечать не бывают ли где сами священнослужители причиною закоснения раскольников в заблуждении, или уклонении православных в раскол, своим зазорным поведением и грубым с ними обращением или небрежным отправлением церковного служения и мирских треб с торопливостью, пропусками, невнятным чтением и неблагоприличным пением, или светским произношением церковных стихов и песней, или наконец произвольным нарушением устава Церкви касательно постов и других ее преданий, и где ими будет усмотрено подобное неустройство, стараться прекратить исправить, а о упорных ослушников доносить Епархиальному Начальству, под строгою ответственностью за допущение или невнимание к «прекращению подобных беспорядков» [28, л. 13об.—14; 64, л. 21об.; 63, л. 33об.].

Преосвященный Феофан, в свою очередь, распорядился «сделать пересмотр духовенства в тех приходах, где есть раскольники с тем, чтобы не совсем благонадежные были немедленно заменены более благонравными, бескорыстными и способными, и доложить о сем».

Другие предложения епископа Феофана по ослаблению на территории епархии раскола и сохранению православной паствы сводились к усилению пастырской и миссионерской работы, проводимой священниками. В качестве увещателей в помощь приходскому духовенству святитель предлагал задействовать диаконов, а также прошедших обучение в семинарии членов причта и учителей местных школ (приходских, волостных и т.п.). В целях сохранения верующих в лоне Православной Церкви он предписал пастырям внимательно наблюдать за регулярным участием прихожан в таинствах, особенно Исповеди и Причащения. С теми, кто не причащался год или два, надо было проводить беседы о необходимости для каждого христианина этих

тайнств. А о тех, кто упорно отказывался, следовало рапортовать в консисторию для наложения епитимьи [57, с. 3].

В отдаленных деревнях святитель предложил «устроить часовни с тем, чтобы в них священник с причтом по временам мог совершать возможные богослужения и всем совокупно давать приличные наставления посредством проповеди». Выяснить, в каких именно населенных пунктах необходимы часовни, а также убедить местных жителей заняться их постройкой, епископ Феофан поручил благочинным и приходским священникам. О выполнении этого поручения упоминает в конце 1865 г. благочинный, священник Троицкого храма г. Вязники Василий Богородский. В его рапорте сказано: «Во исполнение секретного предписания от 30 июня, я с местным священником погоста Преображенского Иоанном Доброцветовым склонял крестьян приходской его деревни Слободищ к построению новой часовни для совершения в ней возможных Богослужений, основывая нужду и необходимость сего на том, что жители деревни Слободищ, будучи отдалены от приходского храма расстоянием около 10 верст, дозволяют себе незаконные собрания, в коих, чрез чтецов-раскольников поддерживается и распространяется раскол и неправые суждения о вере и Церкви. Крестьяне, не отрицая пользы от построения часовни, на мои убеждения отозвались несостоятельностью, и на время обещались приискать удобный дом для совершения Богослужений чрез священника» [46, л. 1—1об.].

Также святитель признавал целесообразным применение организационных мероприятий по борьбе с распространением раскола — таких как проведение по благочиниям собраний клириков для обсуждения общих мер противодействия распространению раскола применительно к местным условиям. В частности, он предлагал продумать на этих собраниях вопрос о чтении духовных книг в воскресные и праздничные дни во всех селах, независимо от наличия в них раскола, и предлагал определить «у себя правила что, где и как читать». Результаты проведения этих собраний — благочиннических советов епископ Феофан обязал представлять ему лично для рассмотрения. Таким образом, святитель стремился наладить механизм обратной связи, желая убедиться в том, что распоряжения епархиальной власти находят отклик в приходской жизни и пастырской деятельности: «чтобы духовенство не к сведению только принимало все распоряжения относительно раскола, а занялось делом спасения заблуждающихся со всем усердием». Интересно отметить, что Смолич упоминает о появлении в этом же 1865 году благочиннических советов в других епархиях, но в несколько ином смысле — применительно к собранию всех благочинных епархии.

Святитель Феофан говорит о собрании клириков одного благочиния [60, с. 276].

К организационным мерам также относится создание преосвященным Феофаном специального комитета с той целью, «чтобы отныне дела по расколу шли успешнее и решались полнее». Комитет возглавил протоиерей Григорий Крылов — заведующий делами второго стола консистории. Этот отдел занимался сохранением и распространением православной веры, в частности — делами по расколу. В сущности, святитель Феофан усилил этот отдел консистории, назначив в помощь его главе двух преподавателей духовной семинарии по миссионерскому классу: священника Николая Флоринского и А.И. Боголюбова, а также эконома архиерейского дома иеромонаха Моисея (Сакулинского), имевшего опыт миссионерской работы, и законоучителя гимназии протоиерея Василия Богородского (Богородицкого)³.

Необходимо отметить, что помимо приверженцев старообрядчества во Владимирской губернии проживали представители ряда деструктивных сект: уже известных⁴ или появившихся недавно. Одной из таких сект, о которой стало известно при епископе Феофане, он дал название «белоризцы» [77, с. 231]. В этом Владимирская земля не отличалась от остальной страны. Во всей Российской империи в то время усиливались сектантские движения, которых было, по образному выражению святителя, «что червей в падалище» [66, с. 163].

К православным, которые начинали симпатизировать убеждениям и образу жизни сектантов, применялись увещания. Так, рассмотрев рапорт священника погоста Унжи Меленковского уезда Иоанна Сергиевского, в котором сообщалось о появлении приверженцев молоканской секты среди его прихожан, Владимирская консистория 18 декабря 1864 г. постановила «предписать благочинному, чтобы он с приходским священником... при депутатах от Волостного Правления, А, предварительно составив программу увещаний крестьянам деревни Копниной, упоминаемой в рапорте, преподали увещание об оставлении <от слепого> учения молоканского, основательно объяснили им сколь спасительно следовать преданиями Церкви. Б, после увещания с помещением вопросов и ответов увещателя составили за общим подписом журнал, и с приложением его о последствии своих увещаний доложили Епархиальному Начальству» [54, л. 3—4].

³ Богородицкий Василий Емельянович — выпускник ВДС и СПбДА, кандидат богословия; в 1839—1842 гг. преподаватель ВДС; в 1842 г. рукоположен во священника и назначен законоучителем гимназии.

⁴ В «правилах...» есть пояснение, что под раскольниками «недолжны быть разумеемы молокане, жидовствующие и секты изуверные, каковы — хлысты, скопцы, бегуны или странствующие» [64, л. 22об.; 63, л. 34об.]

Однако с адептами деструктивных религиозных организаций беседы проводились уже в местах лишения свободы, поскольку, в отличие от старообрядчества, сектантство строго преследовалось государством. Обращаясь 27 марта 1865 г. к временно исполняющему должность владимирского губернатора П.А. Шатохину епископ Феофан подчеркивал: «Предварительно, предоставляете мне по настоящему делу распорядиться, назначением и советами над совращенными силы духовных увещаний к оставлению заблуждений. Тогда как хлысты коих действия совершенно не сходны с действиями обыкновенных старообрядцев не относятся к раскольникам, а к сектам»[75, л. 8об.].

Вообще, вся официальная переписка с властями, направленная на ограждение православных от влияния проповедников раскола и сектантов, представляет собой еще один административный ресурс, который использовал святитель Феофан в период управления Владимирской епархией. Негативную роль на результативность его запросов и обращений оказала неоднократная смена главы губернии. За 3 года служения святителя на Владимирской земле пост губернатора поочередно занимали генерал-майор А.П. Самсонов (1861—1865), действительный статский советник П.А. Шатохин (1865—1866) и генерал-лейтенант В.Н. Струков (1866—1875). Частая замена губернского начальства иногда требовала повторных обращений архиерея по одному и тому же вопросу, решение некоторых дел откладывалось, порой в консисторию приходили формальные отписки. Тем не менее, изучение переписки преосвященного Феофана с Владимирскими губернаторами раскрывает, с одной стороны, многообразие и серьезность проблемы распространения седи жителей губернии раскола и сектантства, а с другой — равнодушное отношение к ней святителя Феофана и его ревностную заботу о своей пастве.

Например, 6 июня 1864 г. епископ Феофан обратился с официальным письмом к Владимирскому губернатору П.В. Сафонову, в котором просил его «о произведении формального следствия о совращении крестьянином Михаилом Фоминым православных в раскол и в дальнейшем ходе этого дела поступить установленным в законе порядке»[71, л. 4 об.]. В следующем месяце, рассмотрев журнал консистории от 29 июля о мерах противодействия раскольникам «перекрещенской секты» [55, л. 1—1об.] в распространении их религиозной литературы среди прихожан храма в честь святого Иоанна Предтечи в с. Ивановское-Ухтомское Александровского уезда, святитель дал распоряжение «просить содействия Начальника губернии к прекращению соблазнительной раздачи книг раскольнических» [19, л. 2; 76, л. 3—4].

Вскоре после этого, узнав о том, что судебный следователь Муромского уезда более года задерживает проведение следствия об уклонении в раскол нескольких крестьянских семей, преосвященный Феофан поручил консистории: «...просить от моего лица Г<осподина> Начальника Губернии о понуждении следователя» [22, л. 24об.]. Данное поручение было выполнено 31 августа 1864 г.⁵ В этот же день на имя губернатора последовало еще одно обращение, в котором указаны, помимо упомянутого, еще семь находящихся в производстве у следователя дел об уклонении в раскол православных жителей Муромского уезда [31, л. 1—2]. Просьбы о возбуждении следствия были направлены еще в 1862—1863 гг. предшественником святителя Феофана епископом Иустином. Во втором письме святитель подчеркивал, что «медленность эта, по моему мнению, как для лиц состоящих за уклонение в раскол под судом, так и еще более для их соседей не твердых в православии, может служить сильным убеждением в том, что будто правительство, как и все, вновь уклоняющиеся из Православия в раскол лица начали уже в прошениях к Епархиальному Начальству выражаться, за веру их, какую-бы кто для себя ни избрал, ныне совершенно не вступается. В отвращение такой весьма вредной по последствиям для православия медленности в производстве следствий по делам раскола, я необходимо нужным нашел покорнейше просить Ваше Превосходительство принять зависящие от Вас меры к понуждению судебного следователя Муромского уезда к скорейшему окончанию по вышеупомянутым делам следствий, — и о последующем меня уведомить» [31, л. 2].

В связи с этим необходимо сказать, что существенным фактором активизации проповеди раскола и сектантства среди православных во время пребывания епископа Феофана на Владимирской кафедре была общественно-политическая обстановка, которая в то время определялась многосторонним реформированием внутренней жизни страны. Отмена крепостного права и преобразование судебной системы породили в среде раскольников слухи о царском указе, которым будто бы разрешалось открытое исповедание старообрядчества. Весной 1864 г. вследствие донесения священника Алексея Загорского, служившего в с. Доцато-Железницкий завод Меленковского уезда, епископ Феофан поручил консистории выяснить, «не ходит ли и в других местах ложная мысль о Царском указе, разрешающем всякие разноверия» [5, л. 1—1об.]. Принятое консисторией решение по этому вопросу (поручить изучение данного вопроса благочинным), святитель

⁵ Из текста письма следует, что Муромский уездный суд дважды, а именно — 13 ноября 1863 г. и 18 июля 1864 г., уведомлял Владимирскую консисторию о нахождении данного дела на рассмотрении у следователя с 25 февраля 1863 г. [73, л.25]

дополнил поручением обратиться к гражданским властям с просьбой, «чтобы сделано было распоряжение о пресечении ложной мысли о Царском указе» [9, л. 2].

Еще один из аспектов угрозы усиления раскола связан с влиятельными представителями старообрядчества. Они использовали свой авторитет и денежные средства не только на поддержку своих общин, но и на распространение религиозных представлений среди православных. Так, о крестьянине деревни Коточигово Шуйского уезда Д.Г. Давыдове было сказано, что «случай к совращению в раскол жителей своей деревни он имеет весьма удобный, — они работают на него, то ткут для него <нрзб.>, то набивают ситец на его заведении» [11, л. 19об.]. В другом документе отмечалось, что «крестьяне деревни Фурова видимо скрывают действия раскольников, частью потому, что сами расположены к расколу, частью по зависимости от капиталистов — сибирских купцов, — покровителей раскола; так как некоторые из этих купцов сами родом из Фурова, а у некоторых сдешние фуровские молодые люди находятся в служении» [15, л. 25об.].

Свою озабоченность подобными фактами святитель выражал в официальных обращениях к светским властям. В письме Владимирскому губернатору В.Н. Струкову от 12 июля 1866 г. епископ Феофан с горечью признавал: «Увещевать с успехом крестьян деревни Ильиной возможно будет только тогда, когда купцы Першины будут насколько нибудь ограничены в своих соблазнительных действиях, как то: в держании посторонних расколуучителей, в явном совершении богослужения в своем доме, куда приглашаются их агентами все и раскольники и православные. В противном случае язва раскола распространится <и> заразит всех, живущих в оной деревне» [29, л. 5—5об.].

Закон допускал занимать должности в местных органах власти старообрядцам. Злоупотребление этим правом в целях утверждения раскола в ущерб православию также вызывало протесты святителя. Например, в слободе Мстере Вязниковского уезда расколу содействовал местный волостной старшина Василий Сеньков [50, л. 140], а его помощник Яков Шишаков был сыном проживавшего в этом же селе «коновода Петра Шишакова раскольника поморской секты» [49, л. 58—58об.]. Неудивительно, что на имя епископа Феофана поступали жалобы и нарекания в адрес Мстерского волостного правления за притеснения православных.

Показателен в этом аспекте и тот факт, что поданные Мстерским правлением списки старообрядцев в уездное Вязниковское полицейское управление были утверждены без согласования с Владимирской духовной консисторией и местным духовенством. В рапорте благочинного,

священника слободы Мстеры Онисима Вишневецкого, от 9 марта 1866 г. [49, л. 58—63 об.] сказано, что в эти списки были внесены отдельные члены Православной Церкви, а действия полицейского управления признаны им незаконными. По этой причине святитель не всегда доверял сведениям, которые поступали из государственных органов, и поручал дополнительно «спросить священника, точно ли принадлежат к отчисленным» [20, л. 97].

Подобная связь лиц, задействованных в уездных государственных органах контроля над старообрядцами, и местной власти, симпатизировавшей расколу, прослеживается и в переписке архипастыря с губернатором П.А. Шатохиным. В ответ на просьбу преосвященного Феофана от 13 сентября 1865 г. провести расследование действий Верхозерского волостного старшины В.Г. Назарова по фактам его попустительства раскольникам, было проведено лишь частное дознание через Меленковского уездного исправника [69, л. 7—7об.; 33, л. 8—8об.]. В итоге, несмотря на то, что были проверены далеко не все обвинения в адрес старшины, он был полностью оправдан и оставлен в своей должности [70, л. 9—9об.].

О том, насколько важна была помощь властей в противодействии распространению раскола, свидетельствует письмо преосвященного Феофана от 28 августа 1865 г., в котором со слов благочинного сообщалось, что «деревни Чижева крестьянин Евмений Матвеев вследствие содействия Гражданского начальства, от распространения раскола несколько себя удерживает, а по случаю отобрания 29 июня сего года из его моленной Шуйским полицейским управлением множества икон, книг, свеч восковых, паникадил и подсвечников, все вообще раскольники начинают убеждаться, что свобода вероисповедания, проповедуемая им Матвеевым, неосновательна» [30, л. 13—13об.].

Из Владимирских губернаторов наибольшую озабоченность усилением влияния старообрядцев среди православного населения губернии проявлял П.А. Шатохин. Об этом, в частности, свидетельствует его отношение на имя преосвященного Феофана, в котором сообщается о принятых со стороны гражданской власти мерах и признается необходимость совместных с духовенством епархии действий, особенно в тех районах, где проживает смешанное население старообрядцев и православных. Также в этом письме П.А. Шатохин просит епископа Феофана «сделать по вверенной Вам епархии распоряжение, чтобы, православные священники, не выходя из круга действий чисто духовных, приняли бы меры духовных увещаний и наставлений над лицами, кои поколеблены в Православной вере, влиянием движения раскола» [26, л. 1—1об.]. Вследствие этого письма 24 мая 1865 г. святитель Феофан предписал консистории «сделать соответственно сему с

своей стороны распоряжение, и об нем изготовить уведомление Г. Начальнику Губернии. Поспешить» [26, л. 1]. Сравнивая числа данной резолюции святителя и выход 24 июня того же года «Правил касательно наблюдения за раскольниками, увещаний совратившихся в раскол и обращения с раскольниками», о которых речь шла выше, можно предположить, что письмо губернатора было если не основной, то одной из причин разработки подробных инструкций для духовенства епархии.

Помимо личных и общепархиальных мер, а также сотрудничества с гражданскими властями в целях противодействия распространению раскола на Владимирской земле святитель Феофан всячески способствовал развитию миссионерства, направленного на укрепление православной веры в народе и возвращение в Церковь отпавших.

В 1866 г. 18 апреля епископ Феофан направил в Святейший Синод представление об открытии миссионерского монастыря [68, л. 8—8об.], на базе упраздненной Муромской Николо-Волосовой мужской обители. По мысли святителя, насельниками монастыря станут те, кто захочет «посвятить свои дарования и труды на собеседование с раскольниками в защиту Православия и на увещание уклоняющихся в раскол».

Идея создания миссионерского монастыря по примеру Спасо-Преображенского Гуслицкого монастыря Московской епархии была изложена осенью 1865 г. послушником Петром Андреевым из Свято-Троицкого Николаевского монастыря в г. Гороховец. Он предлагал «для утверждения в Православии колеблющихся христиан и для сближения с Православием заблудших раскольников» совершать в обители «богослужения по уставу Церковному столпового распева» [44, л. 1—1об.; 14, л. 2об.], а также открыть общедоступную библиотеку и комнату для бесед с раскольниками по воскресным и праздничным дням.

Святитель Феофан поддержал эту идею и 14 декабря 1865 г. представил свои предложения по ее осуществлению [27, л. 4—4об.]. В частности, предполагалось, что братию составят не более семи добровольцев из монашествующих, овдовевших священников «испытанного благонравия» и выпускников семинарии. Монастырское богослужение будет совершаться «по древлецерковному уставу, с обиходным пением». В миссионерских целях — «для справок», насельникам монастыря разрешалось «брать под расписку раскольнические книги из семинарской библиотеки». В неременную обязанность всей братии ставилось: во все воскресные и праздничные дни поочередно произносить поучения для народа, «направленные против раскола»; проводить собеседования в специально отведенных для этого помещениях, куда «приглашать раскольников и колеблющихся в

Православии»; а также вести журналы о своих действиях и ежемесячно представлять их Владимирскому архиерею⁶. Епархиальное начальство могло направлять членов братии в помощь благочинным и приходским священникам для увещания уклонившихся в раскол.

В 1864 г. уроки по расколу были введены в общую учебную программу высшего отделения семинарии [25, с. 311]. Это также было сделано в миссионерских целях. В результате все выпускники Владимирской духовной школы начали приобретать знания, необходимые для служения в приходах, где бок о бок с православными проживали старообрядцы. А таких приходов во Владимирской епархии было немало.

Летом этого же года епископ Феофан командировал эконома и духовника архиерейского дома иеромонаха Моисея (Сакулинского) в Москву для работы в Патриаршей библиотеке. Там он должен был предварительно изучить древние книги, чтобы по ним подтвердить уклоняющимся в раскол правильность богослужения Православной Церкви: употребления, «например, имени Господа Иисуса, аллилуиа трижды...» [35, л. 2; 67, с. 509]. При условии, что будут найдены таковые указания в старопечатных и рукописных книгах, изготовленных до реформы патриарха Никона, уклоняющиеся в раскол пообещали иеромонаху Моисею вернуться в Православие. Иеромонах Моисей был одним из первых миссионеров, к словам которого стали прислушиваться сторонники старообрядчества.

Миссионерскую направленность имело созданное по благословению святителя Феофана Богоявленское братство в слободе Мстере Вязниковского уезда, где проживали старообрядцы разных толков: поморского согласия, Роговского кладбища и Спасова согласия.

Предпосылкой его основания послужил указ Святейшего Синода от 31 июля 1864 г. о создании в епархиях православных церковных братств «для служения нуждам и пользам Православной Церкви, для противодействия посягательствам на ее права со стороны иноверцев и раскольников, для создания и украшения Православных храмов, для дел христианской благотворительности, для распространения и утверждения духовного просвещения» [65, л. 43—43об.; 62, л. 145—145об.]. Увидев в этом указе еще одну возможность противодействия расколу, епископ Феофан 27 августа 1864 г. дал поручение «объявить по всей епархии с приглашением заводить сии братства, особенно в местах полных раскола» [65, л. 43], а также «отнестись от моего лица к Г. Начальнику губернии с покорнейшим прошением о содействии учреждения сих братств с его стороны» [13, л. 53].

⁶ Подобная форма отчетности для миссионеров существовала и в других епархиях Русской Церкви (См. п. 57 «Наставления священнику, назначаемому для обращения иноверных и руководства обращенных в христианскую веру» [24, с. 93].

Спустя неделю, 3 сентября у епархиального архиерея на рассмотрении было прошение об открытии церковного братства в слободе Мстере Вязниковского уезда. Мстерское Богоявленское братство было первым, а возможно и единственным учрежденным при епископе Феофане церковным учреждением этого рода. Его инициатором выступил местный житель — крестьянин Александр Кузьмич Голышев, бывший крепостной графа Панина. Шестидесятилетний потомственный иконописец, земской писарь, отстраненный по проискам раскольников от должности бурмистра (волостного старшины) [34, с.33], к тому времени он уже 20 лет вел в селе книжную и иконную торговлю. В 1862 г. он открыл для односельчан библиотеку и две бесплатные школы: воскресную и рисовальную [23, с. 193]. Насколько была важна его личность в деятельности братства, красноречиво свидетельствует тот факт, что после его смерти в 1876 г. братство прекратило свое существование в течение года.

На прошении А.К. Голикова: «Соревнуя Православию, и убедясь опытно много лет в раскольнических неправильных действиях против православной церкви, в предотвращение их злоупотреблений на будущее время и к служению нуждам и пользам православной церкви и бедствующим ее сынам, я имею желание на основании Высочайше утвержденных в 8-й день мая сего 1864 года основных правил для учреждения православных церковных братств, учредить общество православного церковного братства в слободе Мстере при церкви Богоявления Господня, и покорнейше прошу Ваше Преосвященство, если не окажется препятствий благословить и дозволить мне означенное братство открыть», — святитель Феофан нанес резолюцию: «Немедля рассмотреть все и заготовить отношение к Г. Начальнику Губернии. При сем Проект» [36, л. 66—67об; 74, л 71-72].

В результате Богоявленское братство было учреждено в короткий срок — 14 октября того же года уже состоялось его торжественное открытие. По этому случаю в слободу Мстеру прибыл духовник и и.о. эконома архиерейского дома — иеромонах Моисей. Он доставил от епископа Феофана икону Покрова Пресвятой Богородицы, благословение братству и благодарственное письмо его учредителю. Как почетный попечитель братства святитель Феофан внимательно относился к деятельности братства, оказывая ему всемерное содействие: духовную, финансовую и административную поддержку.

Например, рассматривая дело об ограждении членов семьи крестьянина Петра Батина от принуждения с его стороны перейти в единоверческий приход, Владимирская духовная консистория 26 марта 1865 г. постановила «предписать Благодичному, чтобы он с объяснением показаний жены Петра

Батина и сына его Егора предложил Мстерскому церковному братству, не примут ли каких мер к ограждению их от насилия Петра Батина, и не изыщут ли каких способов к содержанию их в случае, если означенный крестьянин Батин по своему упорству откажется доставлять им содержание» [12, л. 14]. Однако святитель Феофан не утвердил это решение, разграничив полномочия братства и государственных органов власти. «Братству поручить сего не <след[ует]> — писал он в резолюции, — ограждать православных от насилия раскольников дело — гражданской власти, к коей и отнестись» [12, л. 14—14об.].

Кроме того, в слободу Мстеру святитель направил выпускника семинарии Иоанна Успенского, имевшего к тому времени пятилетний опыт обучения детей. Он был назначен законоучителем в сельскую школу и преподавателем в приходское училище слободы Мстеры, произносил проповеди в двух мстерских храмах: Богоявленском и Троицком (единоверческом), а также беседы с пожелавшими перейти в раскол, т.е. был увещавателем [10, л. 26-28, 30].

При содействии православного братства в приходское училище были приобретены учебные пособия и наглядный материал, а учителем И. Успенским — дополнительная мебель, поскольку за пять месяцев его преподавания количество учащихся увеличилось почти 3 раза [50, л. 139об.]. Однако он и другие члены братства терпели ожесточенное сопротивление и нападки со стороны зажиточных старообрядцев и представлявших их интересы представителей сельской власти, о чем свидетельствуют письма на имя епископа Феофана от руководителей братства и от иеромонаха Моисея [50, л. 139—146; 3, л. 148—151].

Тем не менее, усилия преосвященного Феофана по созданию антираскольнического центра во Владимирской епархии не были безрезультатными. Из единоверия в православие переходили целые семьи, проживавшие в с. Мстере [2, л. 1, 2; 4, л. 3—4об.]. Силами православного братства 22 июля 1866 г. было открыто женское училище, организованное по благословению епископа Феофана [61, с. 270]. Таким образом, опыт поддерживаемого святителем Богоявленского братства был полезным для Церкви.

Библиография

1. *Георгий (Тертышников), архимандрит. Святитель Феофан Затворник и его учение о спасении* // <https://coollib.com/b/252880-georgiy-tertyishnikov-svyatitel-feofan-zatvornik-i-ego-uchenie-o-spasenii/read>

2. Доклад исполняющего должность эконома Владимирского Архиерейского дома иеромонаха Моисея // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2435. Л. 1, 2;
3. Докладная записка эконома Владимирского Архиерейского дома, члена Богоявленского Православного братства в слободе Мстера Владимирской губернии иеромонаха Моисея от 1 июня 1865 г. // АРПМА. Ф. свт. Феофана (Говорова). Оп. 24. Д. 39. Ед. хр. 4009. Л. 148—151.
4. Донесение послушника Владимирского Архиерейского дома миссионера Ивана Успенского // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2435. Л. 3—4об.
5. Донесение священника Доцато-Железницкого завода Меленковского уезда Алексея Загорского // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2363. Л. 1—1об.
6. Донесение священника Погоста Георгиевского в Славцове Михаила Пдобединского // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2365. Л. 1—1об.
7. Донесение священника села Михалева Ковровского уезда Петра Елпидиского от 2 сентября 1864 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2356. Л. 15—15об.
8. Донесение священника села Михалева Ковровского уезда Петра Елпидиского от 4 января 1864 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2356. Л. 1об.
9. Журнал Владимирской духовной консистории от 10 апреля 1864 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2363. Л. 2.
10. Журнал Владимирской духовной консистории от 10 ноября 1865 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2340. Л. 30.
11. Журнал Владимирской духовной консистории от 18 марта 1866 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2355. Л. 18—21.
12. Журнал Владимирской духовной консистории от 26 марта 1865 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2337. Л. 14—14об.
13. Журнал Владимирской духовной консистории от 27 августа 1864 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2244. Л. 53.
14. Журнал Владимирской духовной консистории от 29 октября 1865 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2408. Л. 2об.
15. Журнал Владимирской духовной консистории от 30 июля 1863 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2240. Л. 19—28об.,
16. Журнал Владимирской духовной консистории от 30 мая 1866 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2453. Л. 18—21об.

17. Журнал Владимирской духовной консистории от 31 августа 1864 г. по делу об уклонении в раскол крестьянина деревни Купреева Ивана Васильева с семейством и о незаконном повенчании крестьянина деревни Яслева Евдокима Козьмина // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Т. 1. Ед. хр. 2245. Л. 99об.—100;
18. Журнал Владимирской духовной консистории от 18 марта 1864 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2358. Л. 2;
19. Журнал Владимирской духовной семинарии от 29 мая 1864 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 3. Ед. хр. 817. Л. 2.
20. Журналы Владимирской духовной консистории от 31 августа 1864 г. о незаконном повенчании крестьянина села Нового Степана Сидорова с Анной Ивановой // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Т. 1. Ед. хр. 2245. Л. 97.
21. Журналы заседаний собеседований со старообрядцами начатых с 29 августа 1865 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2340. Л. 27—28;
22. Заключение Владимирской Духовной Консистории от 14 августа 1864 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2195. Л. 24—24об.
23. Заметка по поводу учреждения церковного братства в слободе Мстере // ВЕВ. 1865. № 3. 1 февр. Неофиц. С. 191—196.
24. *Иннокентий, митрополит Московский, святитель*. Наставления священнику, назначаемому для обращения иноверных и руководства обращенных в христианскую веру // Собрание сочинений и писем в 7 томах. Т. 3. М., 2012. 629 с.
25. *Малицкий Н. В.* История Владимирской духовной семинарии / Сост. Н. Малицкий. Вып. 1. — М.: печ. А.И. Снегиревой, 1900-1902. - 3 т.; 25. [1814-1869]. - 1902. - 445. С.
26. Отношение Владимирского губернатора Платона Александровича Шатохина от 19 мая 1865 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2439. Л. 1—1об.
27. Отношение Епископа Владимирского и Суздальского Феофана во Владимирскую духовную консисторию от 14 декабря 1865 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2408. Л. 4—4об.
28. Отношение Епископа Владимирского и Суздальского Феофана во Владимирскую духовную консисторию от 24 июня 1865 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2439. Л. 10—19об.
29. Отношение епископа Владимирского и Суздальского Феофана к Владимирскому губернатору Владимиру Николаевичу Урусову от 12 июля 1866 г. // ГАВО. Ф. 14. Оп. 11. Ед. хр. 1212. Л. 4—5об.

30. Отношение епископа Владимирского и Суздальского Феофана к Владимирскому губернатору Платону Александровичу Шатохину от 28 августа 1863 г. // ГАВО. Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 1409. Л. 13—13об.
31. Отношение епископа Владимирского и Суздальского Феофана к Владимирскому губернатору Александру Петровичу Самсонову от 31 августа 1864 г. // ГАВО. Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 935. Л. 1—2.
32. Отношение епископа Владимирского и Суздальского Феофана к Владимирскому губернатору Платону Александровичу Шатохину от 13 сентября 1865 г. // ГАВО. Ф. 14. Оп. 11. Ед. хр. 1154. Л. 5—6.
33. Отношение епископа Владимирского и Суздальского Феофана к Владимирскому губернатору Платону Александровичу Шатохину от 24 января 1866 г. // ГАВО. Ф. 14. Оп. 11. Ед. хр. 1154. 8—8об.
34. *Пиголицына Ф.В.* Мстерский летописец. Верхневолжское издательство. Ярославль, 1991. 332 с.
35. Письмо епископа Владимирского и Суздальского Феофана к епископу Савве (Тихомирову) от 7 июня 1864 г. // НИОР РГБ. Ф. 262. К. 44. Ед. хр. 17. Л. 2—3;
36. Прошение временно обязанного крестьянина Слободы Мстеры Вязниковского уезда Владимирской губернии Александра Косьмича Гольшева // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2244. Л. 66—67об.
37. Прошение крестьян деревни Посошной Меленковского уезда Прохора Варфоломеева, Василия Савельева и Афанасия Агеева от 12 июня 1864 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2349. 1—1об.
38. Прошение крестьян деревни Тимошиной Меленковского уезда Еремея Трифонова и Агапа Иудина с прочими // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2336. Л. 1—1об.
39. Прошение крестьян села Синжан и деревни Даниловой от 26 февраля 1864 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2358. Л. 1—1об.
40. Прошение крестьянина села Барского Татарова Петра Егорова Батина от 2 марта 1864 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2337. Л. 1;
41. Прошение крестьян слободы Мстеры Вязниковского уезда содержащих старообрядческий раскол // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2340. Л. 1—1об.
42. Прошение крестьянина села Дунилова Шуйского уезда Ивана Кокина от 8 января 1865 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2339. Л. 8—8об. и др.
43. Прошение крестьянки села Мордовского Вязниковского уезда Надежды Иудиной от 15 февраля 1864 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2338. Л. 1—2;

44. Прошение послушника Гороховского Николаевского монастыря Петра Андреева от 23 октября 1865 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2408. Л. 1—1об.
45. Прошение старообрядцев Меленковского уезда от 22 декабря 1864 г., Журнал Владимирской духовной консистории от 27 января 1865 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2458. Л. 1—2, 3.
46. Рапорт благочинного города Вязников священника Троицкой церкви Василия Богородского и Журнал Владимирской духовной консистории от 30 июня // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2463. Л. 1—1об.
47. Рапорт благочинного Меленковского уезда, священника села Бутылиц Феодора Веселовского от 13 марта 1864 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2366. Л. 1.
48. Рапорт благочинного Слободы Мстеры Вязниковского уезда священника Онисима Вишневецкого от 26 октября 1865 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2340. Л. 26—26об.
49. Рапорт благочинного Слободы Мстеры Вязниковского уезда священника Онисима Вишневецкого от 9 марта 1866 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2340. Л. 58—63 об.
50. Рапорт Богоявленского Православного братства в слободе Мстера Владимирской губернии от 30 апреля 1865 г. // АРПМА. Ф. свт. Феофана (Говорова). Оп. 24. Д. 39. Ед. хр. 4009. Л. 139—146;
51. Рапорт и прошение священника села Шиморского Алексея Спесивцева от 15 июня 1866 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2544. Л. 1—2об.
52. Рапорт исполняющего должность благочинного города Коврова священника церкви Рождества Христова Алексея Радугина // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2348. Л. 24—24об.
53. Рапорт священника Мелешина Вязниковского уезда Алексея Делекторского от 24 февраля 1864 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2240. Л. 10—11.
54. Рапорт священника Погоста Унжи Иоанна Сергиевского от 4 декабря 1864 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2354. Л. 3—4.
55. Рапорт священника Предтеченской церкви села Ивановского Ухтомского Александровского уезда Дмитрия Лебедева от 15 мая 1864 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 3. Ед. хр. 817. Л. 1—1об.
56. Рапорт священника села Кулеберьево Шуйского уезда Стефана Снегирева от 26 марта 1864 года // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2010. Л. 31—31об.
57. Распоряжения Владимирского Епархиального начальства // ВЕВ. 1865. № 1. 1 января. Офиц. С. 3.

- 58.Резолюция епископа Феофана на журнале Владимирский духовной консистории // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2358. Л. 3.
- 59.Слова к Владимирской пастве преосвященного Феофана. Владимир, 1869. 684 с.
- 60.*Смолич И.К.* История Русской Церкви, 1700—1917. Ч. I. 800 с.
- 61.Торжественное открытие женского училища в слободе Мстере, Вязниковского уезда, Владимирской губернии, Богоявленским Праославным братством 22 июля 1866 года // ВГВ. 1866. № 33, 13 авг. Неофиц. С. 270.
- 62.Указ Владимирской духовной консистории настоятелю Муромского Благовещенского монастыря архимандриту Алексию о правилах организации Православных братств от 28 августа 1864 г. // ГАВО. Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 145—145об.
- 63.Указ Владимирской духовной консистории от 30 июня 1865 г. // ГАВО. Ф. 590. Оп. 1. Ед. хр. 512. Л. 33—34об.
- 64.Указ Владимирской духовной консистории от 30 июня 1865 г. // ГАВО. Ф. 864. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 21—22об.
- 65.Указ Святейшего Правительствующего Синода епископу Владимирскому и Суздальскому Феофану от 31 июля 1864 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2244. Л. 43—43об.
- 66.*Феофан Затворник, святитель.* Собрание писем. – М.: Типо-Литогр. И. Ефимова, 1900. Вып. VII. № 1155. 256 с.
- 67.*Феофан Затворник, святитель.* Творения. Собрание писем: Из неопубликованного. М., 2001. 654 с.
- 68.Черновик донесения Епископа Владимирского и Суздальского Феофана в Святейший Правительствующий Синод от 18 апреля 1866 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2408. Л. 8—8об.
- 69.Черновик отношения Владимирского губернатора Платона Александровича Шатохина к епископу Владимирскому и Суздальскому Феофану от 18 декабря 1865 г. // ГАВО. Ф. 14. Оп.11. Ед. хр. 1154. Л. 7—7об.;
- 70.Черновик отношения Владимирского губернатора Платона Александровича Шатохина к епископу Владимирскому и Суздальскому Феофану от 25 февраля 1866 г. // ГАВО. Ф. 14. Оп.11. Ед. хр. 1154. Л. 9—9об.
- 71.Черновик отношения Владимирского губернатора Платона Васильевича Сафонова к епископу Владимирскому и Суздальскому Феофану // ГАВО. Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 947. Л. 4 об.

- 72.Черновик отношения епископа Владимирского и Суздальского Феофана к Владимирскому губернатору Платону Александровичу Шатохину от 24 августа 1865 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2240. Л. 30—32об.
- 73.Черновик отношения епископа Владимирского и Суздальского Феофана к Владимирскому губернатору Александру Петровичу Самсонову от 31 августа 1864 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2195. Л. 25
- 74.Черновик отношения епископа Владимирского и Суздальского Феофана к Владимирскому губернатору Александру Петровичу Самсонову от 24 сентября 1864 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2244. Л. 71—72.
- 75.Черновик отношения епископа Владимирского и Суздальского Феофана к Владимирскому губернатору Платону Александровичу Шатохину от 31 марта 1865 г. // ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 2397. Л. 8об.
- 76.Черновик отношения на имя губернатора Александра Петровича Самсонова // ГАВО. Ф. 556. Оп. 3. Ед. хр. 817. Л. 3—4.
- 77.Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. 1891 г. т. V. 494 с.